

ПРОЛОГ

ТЕМНЫЕ ПРЕДЕЛЫ

Пути, простиравшиеся в три стороны от гигантской пещеры, тонули в вековых сумерках, которые переходили в беспросветный мрак вверху, у невидимого свода, опиравшегося на известняковые колонны, в объёме огромные, как лесные дубы. Время от времени Бомонту удавалось различить над головой бледные концы сталактитов, конические силуэты которых выступали из мрака. До него доносилась возня настырных летучих мышей, а это означало, что на мир вверху опустилась ночь. На юго-востоке, если верить компасу, который лежал в кармане Бомонта, едва виднелись развалины каменных стен, построенных в незапамятные времена.

Тоннель, которым он пришел, поднимался к тайному выходу на Хампстед-хит у самых прудов Хайгейт. Путешествие заняло четыре часа, и Бомонт намеревался завершить его до того, как над Лондоном взойдет луна. Свет для поисков дороги наверх ему не требовался, но один собственноручно

сделанный факел он все же нес под непромокаемым плащом, который надел из-за сырости: подземные лондонские реки, Тайберн, Уэстберн и Флит, сочились сквозь кирпичную кладку основания тоннелей и трещины и проломы в известняке, давая начало безымянным потокам нижнего мира.

За спиной Бомонта осталось каменное пристанище, которое его отец много лет назад покрыл крышей из соломы и хвороста, хорошо сохранившейся в сухом воздухе этой части нижнего мира. Само строение — отец называл его просто хижиной — было сложено из каменных блоков в какие-то незапамятные времена. Несколько минут назад при свете лампы оно выглядело довольно жизнерадостно. Бомонт держал в хижине изрядный запас лампового масла, а также еды — вяленого мяса, солонины, сушеного гороха. Иногда ему удавалось подстрелить дикую свинью, хотя хранить под землей свежее мясо было рискованно. Тушу приходилось разделявать и выносить наверх, чтобы не приманить из тьмы нежеланных гостей. Мальчиком Бомонт видел недалеко от этого места самого левиафана — гигантскую рептилию длиной в четыре фатома² с пастью, полной клыков размером с зубья бороны.

Нынче Бомонт припрятал под камнями в хижине свое завернутое в промасленную ткань ружье — наверху держать его было негде, да и причин тащить с собой не нашлось, — а заодно и несколько факелов.

Земля, простиравшаяся вокруг, мерцала бледно-зеленым свечением, напоминавшим Бомонту мотыльков, порхающих вокруг газовых фонарей ночью

---

² Фатом — морская сажень, мера длины, равная 6 футам (1,82 м). — Здесь и далее примеч. перев.

на лондонских улицах, — «жабий свет», как назвал это отец, когда впервые позволил Бомонту сопроводить себя в нижний мир. «Жабы» на самом деле были грибами, выроставшими иногда до огромных размеров — выше взрослого человека и, конечно, Бомонта, который родился карликом. Впрочем, такие монстры встречались только на самых глубоких уровнях подземного мира. Старые высохшие жабы отлично горели, давая достаточно тепла, чтобы согреться и сострипать еды.

Живые жабы мерцали внутренним светом — ярче в тех редких случаях, когда только что разжились свежим мясом, тускло и слабо, когда им приходилось довольствоваться грязью с полов пещер. Поля некрупных жаб росли на отмелях подземных прудов, где Бомонт иногда промышлял. Там они светились ярче всего, поскольку дополняли свой рацион безглазыми пещерными рыбами, кишевшими в низинах. Когда Бомонт был ребенком, отец рассказывал ему, что жабы — непослушные мальши, которых эльфы заколдовали в полночь. Но Бомонту не было дела до эльфов. Он не встречал ни одного — ни в нижнем мире, ни в верхнем, — а в то, чего не видел своими глазами, не считал нужным верить.

Через час хорошего хода он вышел на яркую поляну жаб, где смог свериться с карманными часами, которые позаимствовал у пожилого джентльмена на рынке Боро. Наверху было восемь часов утра. Темнота и безмолвие, которые Бомонт сносил уже трое суток, утомили его. Неподалеку он заприметил пруд, мерцавший жабым светом. Сверху из тьмы туда ниспадал, вспенивая гладь воды и разгоняя мел-

кие круги, окутанный брызгами водопад. Несмотря на усталость Бомонт прошел по покрытому тиной берегу, чтобы заглянуть вглубь — немного порыбачить, как он называл это про себя, хотя речь шла вовсе не о рыбе.

Он, как и его отец, всегда был удачлив в поиске брошенных сокровищ, вынесенных подземными реками и стоками из верхнего мира. Бомонту попадалось множество золотых и серебряных колец, в том числе с драгоценными камнями, и монеты всех видов, включая кроны, полукроны и золотые гинеи, которые теперь хранились в кожаном мешке, спрятанном для надежности в хижине под плитами пола.

Достав факел, Бомонт поворошил камни на дне пруда его рукоятью и обнаружил оплавленный ком монет величиной с большой апельсин. Заступил в воду, выудил находку и сразу вернулся, стряхнув воду с промасленных сапог. Нагнувшись над краем пруда, разбил комок об скалу, промыл упавшие на дно пруда монеты от тины и мусора и, осторожно собирая их, попутно подсчитал: сто сорок два испанских дублона. Что-то необычное и странное было в том, как они попали сюда — как, верно, и в том, что собрало их вместе. Но они точно предназначались Бомонту и никому больше — он знал это, потому что нашел их.

Припрятав монеты, карлик отправился дальше, поднимаясь все выше и выше по болотистой звериной тропе, утоптанной дикими свиньями, среди которых, если судить по следам копыт, встречались здоровенные особи. Впрочем, следы были старыми. Они ничего не значили. К тому же свиньи шумные и вонючие, и врасплох человека им не застать.

Бомонт прокручивал в голове эту мысль, когда на глаза ему попался полузатоптанный острыми копытами отпечаток сапога. Сбитый с толку карлик остановился. Ему редко доводилось видеть что-либо подобное, тем более так глубоко внизу, если только это не был отпечаток его собственной обуви — но тут не тот случай. Он попытался вспомнить, как давно пользовался именно этим путем... Кажется, года два как. Бомонт медленно двинулся вперед, вглядываясь в землю, пока не нашел след носка сапога, почти неразличимый в тусклом свете, поскольку ближайшее скопление жаб находилось далеко впереди. Однако ему нужно было удостовериться в том, чего он боялся до трясушки, до бешеного сердцебиения — реакция собственного организма поразила карлика, — поэтому, скинув плащ с капюшоном, он вытащил факел, зажег спичкой-люцифером³ конец, выдержанный в пчелином воске, и прикрыл глаза от яркого огня.

Неглубокий отпечаток ясно виднелся в свете факела — подошва, подкованная так, что гвозди отмечали пять внешних лучей пентаграммы и пять точек пересечения. Затувив факел в мелком прудике, Бомонт тронулся в путь — тихо, как только мог, обуреваемый страстным желанием как можно скорее добраться до поверхности, не столкнувшись с тем, чей сапог оставил свой след в грязи. Не стоит под землей встречаться с мертвецами!

За поворотом тропы Бомонт остановился при виде человеческого тела, покоившегося на огромной куче судорожно мерцавших жаб. Плоть и волосы несчастного светились бледной зеленью, правая

³ «Люцифер» — первая марка спичек, содержащих высокотоксичный белый фосфор. Позже в Швеции был налажен выпуск безопасных спичек, получивших название «шведские».

кисть и предплечье глубоко ушли в бледную губчатую ткань. Широкая шапка гриба сползла ему на лоб, но остальная часть лица оставалась свободной и должна была оставаться такой, поскольку жабам требовались живые жертвы.

Бомонту доводилось видеть в таком положении свиней — раненые животные забредали в жабью поросль и попадали в плен, порабощенные на годы, а возможно, и навечно. Было видно, как грудь мужчины медленно вздымается, когда легкие втягивают воздух. Часовая цепочка, перепачканная черно-зелеными выделениями грибов, все еще держалась в кармане жилета, но там, где она была закреплена чем-то вроде булавки с рубином, который в неверном свете казался скорее черным, чем красным, ткань уже прогнила. В яре от пленника грибов валялся тот самый выдавший его сапог с пентаграммой из гвоздей на подошве.

Спал ли человек? Или это была нескончаемая полужизнь-полусмерть, похожая на сон? Бомонту подумалось, что, наверное, было бы милосерднее прекратить страдания несчастного, хотя сам он и не задолжал этому человеку добра. И все же убивать людей — даже тех, что почти мертвы, — было не в натуре Бомонта. Но вот оставлять полутрупы во владение часы и цепочку нет никакого смысла. Бомонт подошел поближе и, подсунув рукоять факела под цепочку, осторожными круговыми движениями намотал ту вокруг палки, вытягивая часы из кармана.

— Отец Время обитает наверху, ваша милость, — пробормотал он. — А тут, внизу, у него

нет власти, — и с этими словами карлик дернул кончик вверх и в сторону, извлекая часы из жилетного кармана и отрывая цепочку от жилета.

В этот самый миг веки пленника грибов задрожали и его глаза, раскрывшиеся неестественно широко, засияли зеленым светом. Ужас был в них, но, хвала Господу, ни малейшего намека на узнавание.